

Узакбай АЙТЖАНОВ ДОБРОЕ ИМЯ ЭБЕ / АБЕ

Ему нравилось, когда к нему обращались Эбе / Абе. Просил, чтобы имя писали отдельно – Абди-Жамиль, как когда-то потечески смаковал Мухтар Ауэзов, видевший в нем своего преемника во главе республиканского писательского союза. Кстати, письмо, написанное Ауэзовым в ЦК КПК, с рекомендацией Нурпеисова на избрание первым руководителем Союза писателей Казахстана, «утерянное» после смерти классика в 1961 году, было обнаружено в архивах республиканского ЦК Компартии в первые годы независимости Казахстана.

Как-то Абе сказал: «Мне нравится твое обращение ко мне – Ага, так я звал своего отца». К моему отцу он обращался так же – Ага, не произнося его имени. Оба родились в одном ауле на полуострове Куланды, омываемом волнами некогда могучего Аральского моря.

В моем отце он видел аксакалов своего детства, часто с тоской вспоминая их имена: Акжол, Талимжан, Барлык, Емберген, Сыргабек, Казтуган, многие из которых стали прообразами героев его трилогии «Кровь и пот».

Родные для нас имена и названия (Куланды, Бел-Аран, Шыганак, Тобебулак), видимо, послужили для меня входным билетом в жизнь патриарха казахской литературы, порой ершистого, неуживчивого, став началом нашего духовного родства, переросшего в дружбу, которую он обозначил: «сен мені іні-досымсын» («ты для меня младший брат и друг»).

Мы могли общаться часами, точнее, больше говорил он, а я слушал – о многом: о малой Родине, погибающем Арале, о стране, политике, о власти, о любви... Да, Абе делился историями своей любви к трем женщинам, чувства к которым он берег в сердце до конца своих земных дней.

Послевоенные годы, не снявший еще офицерскую шинель и гимнастерку, вчерашний фронтовик в Шалкаре влюбился в девушку. На время расставшись с ней, желая учиться писательскому ремеслу, Абдижамиль приехал в Алматы и получил известие: его избранница беременна и братья срочно выдали ее замуж. Вскоре она родила сына.

В преклонном возрасте, когда Абе за год потерял двоих из трех дочерей, я набрался смелости спросить: «Почему Вы не разыщите своего единственного сына от той девушки? Наверняка у него есть дети и внуки – Ваши внуки и правнуки». Ответ поразил своей безысходной прямоотой: «Ертегілер айтушы еді – туғаныңа қуанғаным жоқ, өлгеніңе жыламаймын» («Раньше говорили – не радовался рождению, не буду плакать и уходу»).

Известная ученая – врач долгие годы была его музой. У обоих были семьи, которые они не хотели разрушать, но их взаимная любовь не позволяла

На мысе Бел-Аран с Борисом Панкиным, Николаем Анастасьевым и гостями из Франции и Бельгии на фоне двух стелл с высеченными строками из романов «Кровь и пот» и «Последний долг»

отдалиться друг от друга. Однажды Абе передал мне на хранение ее портрет, в рамке под стеклом, со словами: «Пусть она хранится в твоём доме, буду приходить к тебе и смотреть на нее». Когда она умерла после тяжелой болезни, он, придя ко мне, обнял ее портрет и долго сидел, безмолвно рыдая. Уходя, забрал портрет с собой.

Как-то беседуя со мной и с Сергеем Азимовым, который в то время был президентом киностудии «Казахфильм», Абе произнес: «Любовь – такая дрянная штука, не надо жениться по любви», и, будто отвечая самому себе, продолжил: «До сих пор люблю свою неряху».

Муж и жена – два одаренных человека, классик казахской литературы и ученый-химик, доктор наук. Посвятившей жизнь науке, ей не хватало времени на семейные дела, а ему не хватало домашнего уюта. Они прожили вместе семьдесят лет. Всю ночь перед похоронами он просидел у тела Ажар-апай, и наутро, когда выносили ее тело, шел и плакал. Тогда ему было девяносто семь, а ей девяносто пять...

Одиночество пришло к нему в раннем детстве, с потерей матери, и усилилось, когда под Сталинградом у восемнадцатилетнего Абдижамила погибли отец и его братья: пять человек из одной семьи. Единственному оставшемуся в живых из рода Нурпеисовых, ушедших воевать, ему суждено было дожидаться завершения мировой кровавой бойни в Кенигсберге. Ажар, девушка, которую он встретил в Алматинской библиотеке, сирота, выросшая в детдоме, стала его женой. Так два одиночества образовали одно целое – семью. Родились три дочери. Мечтал о сыне – не суждено. Записал сыном единственного внука Карима, сына младшей дочери Раушан.

Как-то, после открытия памятника героям его трилогии в Актобе, полетели на вертолете на северное побережье Арала, где некогда располагался рыбацкий поселок. На мысе Бел-Аран, стоя на краю обрыва, откуда виднелась

Абиш Кекильбаев, Абдижамиль Нурпенсов, Узакбай Айтжанов

синяя полоска умирающего моря, Абе презентовал сопровождавшим его в поездке друзьям Борису Панкину, Николаю Анастасьеву и гостям из Франции и Бельгии построенный по его настоянию одинокий мемориал в бескрайней и безлюдной степи, в котором он планировал обрести вечный покой. Увидев слёзы на моих глазах, отозвал в сторонку и произнес: «Когда меня не станет, вот также на вертолете привези моих дочерей и Ажар». Я, что-то буркнув в ответ, попытался отшутиться, мол, рано еще...

Судьба распорядилась по-своему – в течение полугода Абе потерял двоих дочерей: старшую Айжан и младшую Раушан, спустя несколько лет не стало и Ажар Керешовны.

Марал Итегулов, близкий родственник Абе, единственный человек, которого он любил как сына и воспринимал как младшего брата, незадолго до кончины Абе получил его согласие на похороны в Алматы. Похоронили на Кенсае. Мемориал на утесе Бел-Аран стал духовным мазаром и местом паломничества почитателей творчества великого отшельника (как некогда прозвал его патриарх медицины академик Торегельды Шарманов), где на двух стеллах из черного габро высечены строки из его романов «Кровь и пот» и «Последний долг», над которыми он работал десятки лет.

«Кровь и пот» он продолжал править до последних дней, лежа на больничной койке, мелкими, трудноразборчивыми каракулями, между строк уже напечатанной книги. Шутил: «Лев Толстой двенадцать раз переписал роман “Война и мир”, а я вот тринадцатый раз переписываю трилогию “Кровь и пот”». На недоуменный вопрос, кому и для чего это нужно, кто будет читать, ведь время больших романов ушло, социальные сети стали основной библиотекой, он отвечал: «Если мою книгу будет читать хоть один человек, то буду писать для него – единственного читателя».

При внешней суровости и колючем характере Абе сохранил в себе детскую доверчивость и доброту. Стеснялся излишнего внимания к себе. Не приветствовал празднования юбилеев и был равнодушен к наградам. Когда к 80-ле-

тию его представляли к званию «Халық қаһарманы» (Народный герой), его реакция была однозначно обозначена на странице популярной газеты: «Награды нужно давать молодым, чтобы стимулировать их дальнейшее развитие, труд и творчество. А когда я представляю, что на мою старческую впалую грудь повесят поблескивающий кусочек металла, ощущаю неловкость».

В знак протеста против существовавшей политической системы, кроваво подавившей мирную демонстрацию молодежи и студентов в декабре 1986-го, он уложил в картонную коробочку все свои награды, боевые и трудовые: ордена Отечественной войны, Красной Звезды, Славы 3-й степени, Трудового Красного Знамени, Дружбы Народов, Знак Почета, множество медалей вместе с партбилетом члена КПСС с 1943 года – и выбросил всё в мусорный контейнер. Просто, без демонстративного эпатажа. Это была его гражданская позиция.

Также и с юбилеями. Нам, оргкомитету близких по духу с ним людей, еле удалось уговорить его, до этого не отмечавшего ни одного юбилея, согласиться на празднование 85-летия.

Абе – 95. Глава государства, прилетев в Алматы, вручает ему орден Отан и звезду Героя Труда. Услышав новость, прерываю охоту и приезжаю к нему. Абе сидел один, а на домашнем халате висела звезда Героя. Поздравил. На вопрос: зачем ему этот жылтырак (блестяшка), ответил: «Мне недолго осталось, может, это как-то поможет тем, кто останется после меня». Таков Абе: на пороге вечности думать о других.

Он дорожил только двумя наградами – медалью Шолохова за литературный труд и орденом Отан (Отечество), из-за названия.

Когда имя Абдижамиля Нурпеисова вошло в шорт-лист номинантов на Нобелевскую премию по литературе, в пятерку из более полутысячи кандидатов, вероятность получения премии казахским писателем была высочайшей, требовалась только формальная поддержка руководства страны. Увы, властные установки в то время были нацелены на получение «нобелевки» тогдашним главой государства.

Величие Абе в том, что, даже физически отсутствуя, он остается духовным ориентиром мыслящих соотечественников.

Феномен Абе имеет особенность – это международное признание. Всем известно, что в Советском Союзе лауреатом самой престижной литературной премии (Ленинской) среди казахов был Мухтар Ауэзов, а следующая по значению и статусу награда – Государственная премия СССР была присуждена Абдижамилю Нурпеисову и Жубану Молдагалиеву. Так что Абе – один из трех великих.

